

УДК 930(470.342):343.293"1953"
doi 10.17072/2219-3111-2020-3-118-127

«ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1953 ГОДА» В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АМНИСТИЯ, ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ

В. Т. Юнгблюд, А. А. Машковцев

Вятский государственный университет, 610000, Киров, ул. Московская, 36
valerteod@gmail.com
wikma116@rambler.ru

На основании документов Центрального государственного архива Кировской области и Архива УВД Кировской области, а также опубликованных документов Государственного архива Российской Федерации и документов Президиума ЦК КПСС рассмотрены причины амнистии 1953 г. и её влияние на социально-политическую ситуацию и криминогенную обстановку в Кировской области. Показано, что появление в области нескольких тысяч амнистированных весной – летом 1953 г. привело к увеличению числа практически всех видов преступлений, а также к росту организованной преступности. Амнистия, вопреки ожиданиям, обострила обстановку в местах лишения свободы и вызвала дополнительную напряженность в обществе. Рост преступности стал серьезным вызовом для правоохранительных органов. Причины обострения напряженности в обществе были заложены в содержании самого указа «Об амнистии» от 27 марта 1953 г., который был принят без достаточной разработки механизма амнистии и к реализации которого не были в полной мере готовы ни советские, ни партийные, ни правоохранительные органы. Авторы указа не уделили должного внимания вопросам социальной адаптации лиц, освобожденных из мест заключения. В результате многие бывшие заключенные, лишённые средств к существованию, вновь начинали заниматься противоправной деятельностью. Обстановку удалось стабилизировать только к концу 1953 г. (за исключением района Вятлага). Исследование показало, что в 1953 г. предложенный вариант амнистии не способствовал стабилизации обстановки в лагерях и не стал существенным фактором оздоровления общественно-политической жизни в регионе.

Ключевые слова: СССР, амнистия 1953 г., преступность, правоохранительные органы.

Пятого марта 1953 г. умер И.В. Сталин, и к власти в СССР пришло так называемое «коллективное руководство», представленное тремя ключевыми фигурами. Пост председателя Совета министров занял Г. М. Маленков, являвшийся в последние годы жизни вождя его правой рукой. Партию де-факто возглавил Н. С. Хрущев, хотя официально в должность Первого секретаря ЦК КПСС он вступит лишь в сентябре 1953 г. Л. П. Берия стал первым заместителем председателя Совета министров и вернул себе контроль над МВД СССР, в состав которого на короткое время вошли органы государственной безопасности.

Руководство СССР осознавало необходимость серьезных перемен с целью сохранения социальной стабильности и укрепления государственного строя. В глубоком реформировании нуждались и экономика страны, и органы власти и управления, и огромная империя ГУЛАГа, решавшая в 30-х – начале 50-х гг. XX в. помимо своих основных правоохранительных и репрессивных важные экономические задачи. И, хотя на пике своего количественного роста «рабочая сила, задействованная в ГУЛАГЕ, составляла не более 10 процентов промышленной рабочей силы» [Грегори, 2006, с. 139], она по-прежнему играла существенную роль в освоении природных богатств Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

К концу жизни Сталина места лишения свободы «оказались сильно перегружены» [Смыкалин, 1997, с. 179], в них обозначились серьезные кризисные явления. «Невиданный ранее размах волынок, забастовок, протестов и массовых беспорядков, как вспыхивавших стихийно, так и организованных уголовными, этническими (этнополитическими) и политическими элитами ГУЛАГа, не позволял выполнять правительственные задания», – отмечает известный специалист по общественно-политической жизни СССР периода «позднего сталинизма» В.А. Козлов [Козлов, 2004, с. 135].

26 марта 1953 г. Л. П. Берия направил в Президиум ЦК КПСС записку с предложением провести масштабную амнистию. Он отмечал, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержалось 2 526 402 чел., из них 590 тыс. были осуждены на срок до пяти лет за совершение незначительных преступлений. Кроме того, в лагерях находилось 438 тыс. женщин (из них 6286 беременных), 198 тыс. заключенных, страдавших тяжкими заболеваниями, 238 тыс. пожилых людей (старше пятидесяти лет) и более 31 тыс. несовершеннолетних. По мнению министра, эти люди не представляли серьезной угрозы обществу и их пребывание в местах лишения свободы являлось нецелесообразным. Кроме того, Берия, очевидно, считал политически оправданным продемонстрировать заботу о семьях заключенных, отметив, что длительное пребывание в лагерях «ставит осужденных, их родственников и близких людей в очень тяжелое положение, часто разрушает семью, крайне отрицательно сказывается на их последующей жизни» (Лаврентий Берия. 1953, 1999, с. 19–21).

В российской и зарубежной историографии нет единого мнения о причинах, побудивших министра внутренних дел выступить с инициативой амнистии. Отмечается, что, предлагая освободить огромную массу заключенных, он рассчитывал снизить уровень недовольства в обществе, вызванного нахождением в местах лишения свободы огромного числа людей, чье противоправное деяние (например, кража хлеба в разгар голода 1946–1947 г.) не соответствовало суровости приговора. Высказывается предположение о том, что таким образом Берия пытался стабилизировать ситуацию в лагерях, где в это время шла кровавая борьба между различными группировками заключенных (так называемая «сучья война»). К тому же сразу после смерти Сталина по местам лишения свободы прошла волна массовых протестов, в отдельных случаях сопровождавшихся активными формами сопротивления: убийством расшифрованных осведомителей и агентов («рубилровка»), осквернением советской символики (особенно памятников Сталину и Ленину), открытым неподчинением администрации. В волнениях принимали участие и осужденные по политическим статьям, составлявшие по-прежнему значительную часть лагерного контингента [Смыкалин, 1997, с. 184; Гришин, 2013, с. 125–126, 139]. Наконец, есть мнение, согласно которому данная инициатива являлась прямым следствием жесткой схватки за власть, развернувшейся в высшем политическом руководстве страны [Пихоя, 2006, с. 226–233]. Претенденты на наследство Сталина стремились занять более выгодную позицию в борьбе, и «имидж освободителя от репрессивного гнета был как нельзя более кстати» [Пыжиков, 2002, с. 218].

После короткого обсуждения Президиум ЦК КПСС 27 марта 1953 г. принял указ «Об амнистии» (Указ Президиума..., 1953, с. 320), который стал правовым основанием для самого масштабного освобождения заключенных за всю многовековую историю страны. Под его действие попадало 1 млн. 203 тыс. чел., находившихся в местах лишения свободы. Кроме того, прекращались следственные дела в отношении 404 тыс. чел. (Реабилитация..., 2000, с. 15–19). К 1 августа 1953 г. из мест лишения свободы было освобождено 1 млн. 32 тыс. чел. Согласно справке Организационного отдела ГУЛАГа от 18 июня 1954 г. «по сравнению с численностью на 1 января 1953 г. общее количество содержащихся в лагерях и колониях заключенных уменьшилось на 45%». Обстоятельства принятия решения об амнистии и её претворения в жизнь позволили справедливо охарактеризовать её как отличавшуюся от всех прочих известных истории амнистий «беспрецедентными масштабами и невиданностью политических целей её инициаторов» (История сталинского Гулага..., 2004, с. 86, 642).

В данной статье на основе документов Центрального государственного архива Кировской области и Архива УМВД РФ по Кировской области рассмотрено влияние амнистии 1953 г. на общественно-политический климат и криминогенную ситуацию в регионе. Цель исследования состоит в том, чтобы на материалах истории Кировской области прояснить, чем была амнистия – актом гуманности, расчетливым и прагматичным действием, направленным на оздоровление экономики и политической жизни страны, или инструментом в борьбе за власть в государстве в первые недели после смерти И.В. Сталина.

В Кировской области на основании указа «Об амнистии» из колоний, тюрем и некоторых лагерных отделений, находившихся в ведении местного УМВД, было освобождено 4780 чел. (из числившихся на 1 марта 1953 г. 7332 заключенных), в том числе 176 женщин, имевших при себе детей, 40 беременных женщин и 60 несовершеннолетних. Около 90% амнистированных

являлись жителями Кировской области [Дворак, 2007, с. 363]. Помимо этого, 1222 заключенным, отбывавшим наказание в регионе, срок был сокращен наполовину. Однако эти цифры были далеко не полными. К родным местам стали съезжаться амнистированные вятские сидельцы, разбросанные в предыдущие годы по многочисленным островам необъятного архипелага.

Мартовский указ также открыл двери на свободу для многих заключенных Вятлага, находившегося в это время в подчинении Минюста СССР. Уже к 13 мая 1953 г. лагерь покинули 9377 чел., что составляло чуть меньше половины списочного состава заключенных. Конечно, большинство их стремились как можно быстрее выбраться за пределы Кайского (ныне Верхнекамского) района. Таких вывозили на «большую землю» отдельными эшелонами. Пожелавших остаться, впрочем, тоже было немало. 850 амнистированных «первой очереди» не захотели покидать Вятский север. Некоторые из них, осев в прилегающих к лагерю гражданских населенных пунктах, продолжали контактировать с оставшимися в неволе «авторитетами». Были и такие, кто сходил с поезда, не выехав за пределы Кировской области, для того, чтобы как можно скорее насладиться долгожданной свободой, и тут же попадал в поле зрения правоохранителей. Летом – осенью 1953 г. процесс освобождения продолжался полным ходом: только через Комендантский отдельный лагпункт в пос. Лесном ежемесячно освобождалось порядка 300 чел. [Бердинских, 2001, с. 73, 325, 330].

Согласно букве указа от 27 марта бериевская амнистия 1953 г. не распространялась на матерых уголовников, сидевших за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. По ней на свободу должны были выйти лица, осужденные на срок до пяти лет включительно за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, несовершеннолетние, престарелые, больные, а также женщины, имевшие малолетних детей и беременные. Тем не менее массовое освобождение заключенных все же привело к резкой вспышке преступности. Это объяснялось рядом факторов.

Во-первых, среди амнистированных оказались не только так называемые «бытовики», получившие срок за мелкие хищения во время голода 1946–1947 гг., но и воры в законе, по которым не было собрано достаточной доказательной базы, чтобы отправить их в лагерь на более чем пять лет. Во-вторых, в ГУЛАГе фактически не выполнялось формально существовавшее требование МВД «постатейного размещения заключенных» и создания для них дифференцированных условий отбывания наказания, поэтому зачастую крестьяне, осужденные за кражу овощей с колхозных полей, сидели в одном бараке с убийцами, грабителями и насильниками. Некоторые из них перенимали обычаи и традиции блатного мира, а выйдя на свободу, начинали вести себя в соответствии с ними [Смыкалин, 1997, с. 178].

В ряде городов СССР ситуация летом 1953 г. была близка к критической. Наиболее острая обстановка сложилась в Улан-Удэ, где скопилось много амнистированных заключенных, стекавшихся сюда со всего Забайкалья, Дальнего Востока и даже Верхней Колымы. Местное население с наступлением темноты боялось выходить на улицу, забаррикадировавшись в собственных домах. В Кировской области одним из эпицентров вызванных амнистией волнений стал район собственно Вятлага – пос. Лесной и входящие в ведение Вятского ИТЛ лагпункты, где в течение 1953–1954 гг. наблюдался всплеск насилия [Бердинских, 2001, 322–352]. И, хотя на территории других районов обстановка была не столь драматичной, ухудшение криминальной ситуации отмечалось и здесь. Об этом свидетельствует сравнительная статистика преступлений в относительно благополучном 1950 и в 1953 гг. (см. табл.)

Количество преступлений, расследуемых оперативниками кировского Уголовного розыска в 1953 г., значительно возросло практически по всем составам. Особенно это касалось тяжких и особо тяжких преступлений. Неблагополучная криминальная ситуация сложилась в областном центре и на ряде узловых железнодорожных станций (Котельнич, Зуевка), находившихся вдоль Транссибирской магистрали, а также Вятско-Двинской и Гайно-Кайской железных дорог.

По Транссибу из Зауралья и с Дальнего Востока следовали эшелоны с амнистированными. Многие преступления совершались во время следования. Как, например, преступление 24 ноября 1953 г. в поезде Владивосток – Москва, в котором с Дальнего Востока ехало около 300 амнистированных. На перегоне Береговой – Рехино в тамбуре вагона № 8 группа амнистированных уголовников, вооруженных ножами, напала на двух жителей Унинского района,

направлявшихся в служебную командировку в Киров. Потерпевшими оказались В. И. Брюханов, работавший старшим инструктором Унинского райкома КПСС, и директор местного пищевого комбината А. Д. Гущенко. Преступники, угрожая ножами, отобрали у них деньги (1245 руб.), часы и верхнюю одежду, а затем заставили сойти на станции Рехино (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 75. Л. 63–64). Кроме того, они запугали проводника, ставшего свидетелем совершения преступления, и тот не решился сообщить о нем оперативной группе МВД, сопровождавшей состав. О совершенном преступлении стало известно после того, как поезд покинул территорию Кировской области. На станции Шарья Северной железной дороги (Костромская область) состав встречали усиленные наряды милиции, при этом оперативники уже имели точные приметы нападавших. В результате было арестовано несколько амнистированных уголовников (Ю. А. Матвеев, Г. И. Стуканов, Б. М. Хрущев и др.), принимавших участие в разбойном нападении. При задержании преступников «остальные амнистированные оказали сопротивление», вследствие чего поезд № 41 был задержан на станции до одного часа сверх установленного времени (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 75. Л. 64).

Количество преступлений, расследуемых Уголовным розыском Кировской области в 1950 и 1953 гг.

Вид преступления	1950 г.		1953 г.	
	Количество дел	Число арестованных по ним	Количество дел	Число арестованных по ним
Умышленное убийство	56	49	56	63
Разбой	43	41	100	124
Грабеж	39	32	107	107
Кража государственного имущества	156	97	252	193
Кража личного имущества граждан	761	476	551	437
Кража карманная	116	85	199	195
Хулиганство	953	607	1669	1411
Мошенничество, подделка документов	62	31	27	15
Изнасилование	12	13	24	23

Примечание: см. (АУМВД КО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 58; Д. 8. Л. 126).

В этот период серьезные преступления на железной дороге совершали не только амнистированные уголовники, но и те, кому по долгу службы полагалось их охранять. 9 августа 1953 г. из Воркуты на новое место службы (г. Бугульма, Татарская АССР) выехала команда стрелков воензированной охраны ГУЛАГа в количестве 99 чел., которую возглавлял старший лейтенант внутренней службы Н. М. Свиридов. На протяжении всего пути следования стрелки непрерывно пили, при этом сам командир «был в нетрезвом состоянии и пил вместе с ними» (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 74. Л. 50). Злоупотребление спиртными напитками, а также ощущение вседозволенности и безнаказанности привели сначала к совершению мелких правонарушений, а затем и тяжкого преступления. 12 августа 1953 г. в 13 часов поезд прибыл на станцию Просница, где стрелки совершали «хулиганские действия по отношению к лицам, находившимся на перроне», отобрали у них продукты, оскорбляли нецензурной бранью и бегали по крышам вагонов (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 74. Л. 48). Однако это было только начало.

Спустя примерно час состав прибыл на станцию Рехино. Здесь охранники ГУЛАГа стали приставать к местной жительнице, предлагая вступить с ними в интимные отношения. За женщину вступился ее муж – Б.В. Пегушин, работавший в воензированной охране на железной дороге. Началась драка, переросшая в зверское избиение Пегушина. Потерпевшему «наносили побои досками, колыями, ремнями, ногами и, кроме того, нанесли три ножевых раны, две из которых в область головы с пробитием черепа и мозговой оболочки, а третью в область груд-

ной клетки» (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 74. Л. 49). Информация о преступлении была сразу же передана в Зуевский районный отдел милиции. Поскольку сил милиционеров было недостаточно, к операции по задержанию преступников привлекли бойцов воензированной охраны Министерства путей сообщения и крепких мужчин из числа местных жителей. В Зуевке два вагона, в котором ехали охранники ГУЛАГа, были отцеплены от состава и взяты под охрану. При этом сами охранники оказывали активное сопротивление, не подчиняясь ни сотрудникам милиции, ни своему пьяному командиру. Ситуацию удалось стабилизировать лишь после того, как у них было конфисковано все спиртное и они стали постепенно трезветь. В Зуевку доставили свидетелей совершения преступления, которые опознали виновных. В результате 17 лагерных охранников были арестованы, остальных отправили в пункт назначения.

Появление в области значительного числа амнистированных уголовников негативно сказалось на динамике совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Хотя общее количество умышленных убийств осталось на прежнем уровне, число фигурантов, проходивших по данным делам выросло, (1950 г. – 49 чел., 1953 г. – 63 чел.) (АУМВД КО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 58; Д. 8. Л. 126). Многие умышленные убийства совершались групповым способом, что увеличивало их общественную опасность. Кроме того, в 1953 г. в области неоднократно фиксировались случаи, когда возвращавшиеся из тюрем бандиты пытались расправиться с изобличившими их людьми. Например, 28 апреля 1953 г. в общежитии Кировской кордной фабрики освобожденный по амнистии Наумов нанес ножевое ранение двадцатиоднолетней Анне Кожевниковой, выступившей свидетелем по его делу (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 72. Л. 262). К счастью, врачи спасли жизнь девушке.

Более чем двукратный рост числа разбоев (1950 г. – 43, 1953 г. – 100) и грабежей (1950 г. – 39, 1953 г. – 107) (АУМВД КО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 58; Д. 8. Л. 126.) особенно остро чувствовался в областном центре и в Котельниче, являвшемся одним из крупнейших транспортных узлов на перегоне Киров – Горький. Самыми опасными местами в этих городах были районы железнодорожных вокзалов. Весной – летом 1953 г. в сквере на Комсомольской площади г. Кирова, примыкающей к вокзалу, постоянно фиксировались нападения на местных жителей. Аналогичная ситуация была и на ближайших к вокзалу улицах, где амнистированными уголовниками совершались грабежи и разбойные нападения. В частности, 8 мая 1953 г. Юрий Лаптев, ранее судимый за хулиганство и освобожденный из заключения по амнистии, ворвался в квартиру гражданки Илатовских, проживавшей на улице Комсомольской, и, угрожая ей топором, отобрал деньги и ценные вещи (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 72. Л. 262).

В Котельниче наиболее опасными считались улицы, примыкавшие к вокзалу. Особенно дурную славу в те годы приобрела улица Советская, жители которой в вечернее время старались не выходить из дома, чтобы не стать жертвой грабителей. Чаще всего случаи грабежей и разбойных нападений фиксировались здесь в октябре 1953 г. 9 октября вечером в сквере на Советской был задержан Н.Д. Ануфриев, осужденный в 1950 г. за кражу и освобожденный по амнистии. Угрожая физической расправой, он снял с прохожего А.С. Дядкина верхнюю одежду. Спустя пять дней на той же улице нападению со стороны двух освобожденных уголовников (И.М. Старкова и И.А. Цепелева) подвергся гражданин В.В. Козлов. При попытке задержания они оказали сопротивление, ударив ножом милиционера Бычкова (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 75. Л. 103).

Некоторые амнистированные, имевшие за плечами солидный криминальный опыт, объединялись в банды, терроризировавшие местное население. Одна из таких банд действовала в мае – начале июня 1953 г. на территории Шабалинского района. Она специализировалась на грабежах и разбоях и в конце концов совершила еще более тяжкое преступление – умышленное убийство. 20 мая 1953 г. члены банды Иванов, Каргопольцев и Писцов напали на дом пенсионера Винокурцева, жившего на станции Гостовская. Неожиданно для налетчиков старик оказал сопротивление и в ходе завязавшейся драки был убит. Преступление получило широкий общественный резонанс, поэтому для поимки преступников из Кирова выехала специальная следственная группа, которую возглавили начальник 2-го отделения Отдела уголовного розыска Г. Н. Аверьянов и старший следователь Следственного отдела Управления милиции М. П. Бехтерев (АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 65. Л. 31). 4 июня 1953 г. бандитов арестовали на станции

Свеча. Первоначально они отрицали свою причастность к убийству, однако под тяжестью собранных улик признались в содеянном и рассказали об обстоятельствах его совершения.

Еще одна преступная группа действовала на территории Даровского района. Её организовали братья Гущины, вооруженные огнестрельным оружием. Угрожая его применением, бандиты врываются в дома местных крестьян, отбирая у них последнее. Преступники постоянно меняли место жительства, а в случае серьезной опасности уходили в леса, которые они прекрасно знали (АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 65. Л. 53). Только с наступлением зимы положение преступников стало критическим, и они сдались правоохранительным органам.

В 1953 г. в регионе был отмечен двукратный рост числа изнасилований. Однако он был связан не только с появлением большого числа амнистированных уголовников. Случаи совершения половых преступлений освобожденными заключенными фиксировались органами МВД, тем не менее они были единичными. Возможно, сдерживающим фактором в этом случае было знание бывшими зеками неписаных воровских законов и отношения к насильникам в местах лишения свободы. Народная молва в 1953 г. приписывала амнистированным самые страшные злодеяния (изнасилование несовершеннолетних, изнасилование с последующим зверским убийством жертв и пр.), однако в ходе проведения проверок эти слухи практически всегда оказывались ложными. Большинство преступлений против половой неприкосновенности совершали отнюдь не матерые уголовники, а граждане, не имевшие криминального опыта, чаще всего подростки и молодые мужчины в возрасте от 15 до 25 лет.

Амнистия 1953 г. не только привела к росту числа тяжких и особо тяжких преступлений, но и негативно повлияла на общественный порядок в городах и иных населенных пунктах Кировской области. Воровская мораль формировала у заключенных презрительное отношение к некоторым правилам поведения в обществе, что многие из них открыто демонстрировали после освобождения. Необходимо также учитывать, что даже в сталинский период имело место проникновение криминальной субкультуры в молодежную среду. Амнистированные уголовники оказали определенное влияние на часть подростков. Копирование поведения блатных приводило к внедрению асоциальных норм в молодежную среду и росту уличной преступности. Если в 1950 г. в Кировской области было зарегистрировано 953 случая хулиганства, то в 1953 г. – уже 1669 (рост в 1,8 раза) (АУМВД КО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 58; Д. 8. Л. 126).

О широком распространении хулиганства свидетельствовали многочисленные примеры из судебной практики, а также переписка между руководством Кировского обкома КПСС и различными подразделениями регионального УВД. Весной – осенью 1953 г. постоянно фиксировались хулиганские действия амнистированных и подростков в парках, скверах и других досуговых центрах, главным образом в вечернее и ночное время. В частности, 11 октября 1953 г. в Котельниче, в Доме культуры, были задержаны амнистированные Э. А. Крылов, в 1950 г. осужденный по ст. 74 УК РСФСР (хулиганство), и А.П. Исаков, осужденный по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. за кражу во время голода 1946–1947 гг. Арестованные «выбили стекла в окнах, гонялись за девушками с ремнями и пр.» (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 75. Л. 103). За эти действия Исаков был приговорен к четырем, а Крылов – к двум годам лишения свободы.

Хулиганские действия иногда допускали и сами сотрудники милиции. Чаще всего причиной тому было злоупотребление спиртными напитками, иногда – семейные и бытовые конфликты. Так, начальник Сунского районного отдела милиции Глотов, находясь в служебной командировке в с. Верхосунье, «напился пьяным и допустил бесцельный выстрел из табельного оружия во дворе дома бывшего участкового уполномоченного этого райотдела Шахматова» (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 72. Л. 251). Другой сотрудник милиции – сержант В. В. Забабурин, также находясь в состоянии алкогольного опьянения, «беспричинно, на почве хулиганских побуждений, напал на преподавателей пединститута Дрягина и Чуватина и нанес им побои» (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 73. Л. 126).

Количество краж государственного имущества выросло в 1,6 раза (арестованных за данные преступления – в 1,9 раза), в 1,7 раза увеличилось число карманных краж. Однако по категории «кражи личного имущества» фиксируется даже небольшое снижение числа преступлений. Эта парадоксальная ситуация на фоне значительного роста криминальной активности объясняется тем, что большинство граждан, запуганных криминальным террором, просто не обра-

щались в правоохранительные органы в случае незначительных хищений их собственности. Более того, зачастую они сами отдавали продукты питания амнистированным, лишь бы те не посягали на их жизнь и здоровье: «Боясь уголовников, выпущенных Берией из лагерей, они выставляли на лавочках у домов хлеб, молоко, овощи, чтобы непрошенные гости оставили их в покое» [Вятский край..., 2006, с. 314].

13 июня 1953 г., отвечая на запрос Н. С. Хрущева, первый секретарь Кировского обкома КПСС А. П. Пчеляков отметил, что в апреле – мае 1953 г. на территории области лицами, освобожденными по амнистии, было совершено 73 преступления, по которым было арестовано 78 чел. (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 72. Л. 258). В дальнейшем благодаря оперативно-розыскным и профилактическим действиям милиции, а также работе партийных и хозяйственных органов количество преступлений, совершенных амнистированными, по его словам, стало постепенно снижаться.

Для того чтобы нормализовать обстановку потребовалось приложить немалые усилия. В областном центре и других городах было введено усиленное патрулирование улиц и мест отдыха. Оно осуществлялось как пешими, так и конными нарядами милиции. В случае возникновения угрозы жизни сотрудников правоохранительных органов и простых граждан, а также бегства преступников с места совершения преступления милиционеры получили право открывать огонь на поражение. Иногда это приводило к человеческим жертвам. Например, вечером 21 июня 1953 г. в Заречном парке г. Кирова двое грабителей напали на отдыхающего, отобрав у него деньги и пиджак (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 74. Л. 28). Потерпевший сразу же обратился к помощнику командира Отдельного кавалерийского взвода Управления милиции старшине В. Н. Безденежных, осуществлявшему патрулирование парка. Старшина быстро обнаружил преступников, однако они бросились бежать, стараясь скрыться в глубине лесного массива. Поскольку на предупредительный выстрел беглецы не отреагировали, Безденежных открыл огонь по ногам убежавших. В результате пуля попала в бедро одного из грабителей – В. Л. Еженкова. Тот не стал обращаться за помощью, опасаясь ареста за грабеж. В результате он умер от большой потери крови, а его труп был обнаружен в глубине Заречного парка лишь 30 июня 1953 г. (АУМВД КО Ф. 32. Оп. 1. Д. 65. Л. 59).

Помимо усиленного патрулирования улиц специальные оперативные группы систематически проводили проверки пустующих и нежилых помещений, а также чердаков и подвалов жилых домов – излюбленных мест обитания осевших в области амнистированных заключенных (в первую очередь из числа иногородних), промышлявших кражами и грабежами. Кроме того, под охрану были взяты различные образовательные учреждения и пионерские лагеря (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 74. Л. 23).

На станции Киров-1 к моменту прибытия эшелонов с освобожденными заключенными начали выставлять усиленные наряды милиции в 15–20 чел., которые часто брали с собой служебных собак. Кроме того, в районе станции Киров-1 создавался оперативный заслон из 12–15 милиционеров, которые в случае необходимости могли прийти на помощь нарядам на самом вокзале либо пресекали противоправные действия амнистированных, вышедших в город (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 72. Л. 263). Это не только позволяло молниеносно предотвращать агрессивные действия уголовников, которых пьянил воздух свободы, но и служило сильным профилактическим средством: вид большого числа хорошо вооруженных милиционеров с немецкими овчарками на многих действовал отрезвляюще. Подобные меры были приняты еще на некоторых узловых железнодорожных станциях, хотя силы милиции здесь были значительно меньшими (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 72. Л. 263). Что касается транзитных поездов, перевозивших амнистированных в другие регионы страны, то помимо штатной охраны их сопровождением занимались сотрудники транспортной милиции. Они следовали до границ области и сходили на приграничных станциях (Фаленки, Шабалино и др.).

После ареста Берии в июне 1953 г. Маленков и Хрущев взялись за «исправление ошибок», допущенных в ходе амнистии. Было очевидно, что одних карательных мер для обуздания преступности и нормализации жизни в стране недостаточно. Необходимо было разрешить комплекс социальных проблем, в первую очередь проблемы трудоустройства амнистированных и возвращения их к обычной жизни.

27 августа 1953 г. Совет министров СССР принял постановление «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью» (Постановление..., 1953, № 4, ст. 1). Правительство потребовало от региональных властей решить вопрос о трудоустройстве амнистированных граждан к середине сентября 1953 г. Выполнить данное предписание в столь сжатые сроки было невозможно, хотя областные власти активизировали работу в этом направлении, требуя от председателей горисполкомов, руководителей промышленных предприятий, а также колхозов и совхозов создать условия для трудовой деятельности лиц, освобожденных по амнистии. Однако хозяйственные руководители не горели желанием брать на работу бывших зеков, поэтому даже в конце осени процесс их трудоустройства был далек от завершения. В частности, на заседании бюро Омутнинского райкома КПСС, состоявшемся 29 октября 1953 г., отмечалось, что реализация постановления Совета министров от 27 августа 1953 г. идет в районе неудовлетворительно. Бюро обязало «исполком райсовета резко улучшить работу по трудоустройству амнистированных и вышедших из заключения» (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 75. Л. 27). Положение дел в Омутнинском районе было типичным.

Нежелание руководителей промышленных предприятий, а также колхозов и совхозов принимать на работу бывших сидельцев вполне понятно. Многие из них не стремились работать, постоянно нарушали трудовую дисциплину, конфликтовали с коллегами и начальством. Некоторые, имевшие доступ к материальным ценностям, вновь начинали воровать. Иногда случались и более серьезные инциденты, приводившие к трагическому исходу (ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 74. Л. 173), из-за чего процесс трудоустройства амнистированных шел медленно, даже несмотря на прямые указания из Москвы.

К концу 1953 г. ситуация с преступностью в Кировской области в основном стабилизировать, за исключением Вятлага, где насилие, бунты и акты массового неповиновения сопровождали большую часть 1954 г. (История сталинского Гулага..., 2004, с. 642–644). В последующие месяцы количество зарегистрированных преступлений в регионе постепенно снижалось. Если в 1953 г. органами УВД Кировской области было возбуждено 4588 уголовных дел, то в 1956 г. – 3681 (АУМВД КО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 126; Д. 10. Л. 4).

Возвращаясь к вопросу о причинах, побудивших Л.П. Берия выступить с инициативой об амнистии, следует отметить, что, как опытный и проницательный государственный деятель, информированный о реальном положении дел в стране и на международной арене, он понимал, что сталинизм себя изжил и настало время для масштабных реформ. Для него успех в этом деле был вопросом не только политической и социально-экономической реконструкции СССР, но и личного выживания. От быстроты и успешности претворения в жизнь преобразований зависело сохранение его личных позиций в системе государственной власти. Начиная амнистию, Берия, очевидно, осознавал, что, только возглавив этот процесс, он получит шанс уйти от ответственности за массовые репрессии. Сместившие (26 июня 1953 г.) и физически уничтожившие его (23 декабря 1953 г.) «политические соратники» также это понимали, а наиболее удачливый из них, Н.С. Хрущев, блестяще воспользовался такой возможностью на следующем, гораздо лучше подготовленном этапе десталинизации, начало которому было положено XX съездом КПСС (февраль 1956 г.)

Факты истории Кировской области 1953 г. свидетельствуют о том, что к началу амнистии страна переживала тяжелейший системный кризис. Помимо экономической, политической и идеологической сфер он затронул глубинные пласты массового сознания. Общество испытало серьезный эмоциональный стресс, вызванный в том числе глубокими деформациями моральных устоев и смещением нравственных ориентиров. Поэтому такими размытыми были границы между законом и беззаконием, между преступниками и теми, кто должен был искоренять преступность.

Берия начал реформы, но переоценил свои силы. Амнистия, вопреки ожиданиям, не стабилизировала обстановку в лагерях, а, наоборот, породила волну протестов, бунтов, насилия. Её первая волна также не способствовала общественно-политической стабилизации в СССР, поскольку во многих регионах, и Кировская область в этом смысле может служить характерным примером, произошел рост преступности, которая стала очень серьезным вызовом для всех правоохранительных органов.

Не устранив прежних проблем, амнистия, породила ряд новых, что и ускорило падение её инициатора.

Список источников

- Архив Управления МВД России по Кировской области (АУМВД КО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 126; Д. 8. Л. 126; Д. 10. Л. 4; Д. 65. Л. 31, 36, 53, 59, 85.
- Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 26. Д. 72. Л. 251, 258, 262–263; Д. 73. Л. 116, 117, 126; Д. 74. Л. 23, 28, 48, 49, 173; Д. 75. Л. 27, 63–64, 103.
- История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док. в 7 т. / Т. 6: Восстания, бунты и забастовки, заключенных / отв. ред. В.А. Козлов, сост. В.А. Козлов, О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2004. 736 с.
- Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы/ под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. 512 с.
- Постановление Совета министров СССР «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью» от 27 августа 1953 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 4. Ст. 1.
- Реабилитация: как это было: Док. Президиума ЦК КПСС и др. матер.: В 3 т. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956 / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М.: МФД, 2000. 503 с.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. №4. С. 320.

Библиографический список

- Бердинских В.* История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. 432 с.
- Вятский край с древности до наших дней / отв. ред. В. А. Бердинских. Киров: Дом печати – ВЯТКА, 2006. 400 с.
- Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
- Гришин Д.В.* Политические репрессии в Кировской области. Киров: Триада плюс, 2013. 157 с.
- Дворак Д. Ф.* Уголовно-исполнительная система Кировской области: история и современность. Киров: Киров. обл. типография, 2007. 784 с.
- Козлов В.А.* Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) // *Общественные науки и современность.* 2004. № 6. С. 122–136.
- Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. 715 с.
- Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
- Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. академии. 1997. 368 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.10.2019

“THE COLD SUMMER OF 1953” IN THE KIROV REGION: AMNESTY, CRIME AND FIGHT AGAINST IT

V. T. Yungblud, A. A. Mashkovtsev

Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia
valerteod@gmail.com
wikma116@rambler.ru

The article examines the reasons for the 1953 amnesty and its impact on the socio-political and criminal situation in the Kirov region, based on the documents from the Central State Archive of the Kirov Region and the Archives of the Department of Internal Affairs of the Kirov Region, as well as published documents from the State Archives of the Russian Federation and the Presidium of the CPSU Central Committee. The authors show that the appearance of several thousand amnesties in the spring and summer of 1953 in the region led to a sharp increase in almost all types of crimes, as well as to an increase in organized crime. Contrary to expectations, the amnesty exacerbated the situation in prisons and caused additional tension in society. The rise in crime became a serious challenge

for law enforcement. The reasons for the aggravation of tensions in society were laid in the content of March 27, 1953 decree "About Amnesty", adopted without sufficient elaboration of the amnesty mechanism. In fact, neither the Soviet state and party bodies, nor law enforcement were fully prepared to implement it. The authors of the decree did not pay attention to the issues of social adaptation of persons released from places of detention. As a result, many former prisoners, deprived of their livelihood, began to engage in illegal activities again. By the end of 1953, the situation was stabilized (with the exception of the Vyatlag zone). The research results show that the proposed version of the 1953 amnesty did not help stabilize the situation in the camps and did not become a significant factor in improving the socio-political situation in the region.

Key words: the USSR, amnesty, crime, law enforcement.

References

- Berdinskikh, V. (2001), *Istoriya odnogo lagerya (Vyatlag)* [The history of one camp (Vyatlag)], «Agraf», Moscow, Russia, 432 p.
- Berdinskikh, V.A. (ed.) (2006), *Vyatskiy kray s drevnosti do nashikh dney* [Vyatka region from antiquity to the present day], OAO «Dom pečhati – VYATKA», Kirov, Russia, 400 p.
- Dvorak, D.F. (2007), *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Kirovskoy oblasti: istoriya i sovremennost'* [The penal system of the Kirov region: history and modernity], OAO «Kirovskaya oblastnaya tipografiya», Kirov, Russia, 784 p.
- Gregori, P. (2006), *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The political economy of Stalinism], ROSSPEN, Moscow, Russia, 400 p.
- Grishin, D.V. (2013), *Politicheskie repressii v Kirovskoy oblasti* [Political repression in the Kirov region], Triada plus, Kirov, Russia, 157 p.
- Kozlov, V.A. (2004), "Society in captivity: conflict self-organization of the camp community and the crisis of the Gulag administration (the late 1920s – early 1950s)", *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, № 6, pp. 122–136.
- Pikhoya, R.G. (2007), *Moskva. Kreml'. Vlast'. Sorok let posle voyny, 1945–1985* [Moscow. Kremlin. Power. Forty years after the war, 1945–1985], Rus'-Olimp: Astrel': AST, Moscow, Russia, 715 p.
- Pyzhikov, A.V. (2002), *Khrushchevskaya «ottepel'»* [Khrushchev's "thaw"], OLMA-PRESS, Moscow, Russia, 511 p.
- Smykalin, A.S. (1997), *Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia], Izd-vo Ur-GYuA, Yekaterinburg, Russia, 368 p.